

У могилы неизвестного солдата

Его зарыли в шар земной...

Сергей Орлов

А на земле ручьи звенели,
Цвела сирень,
Старела мать...
Ему б сейчас лежать в постели,
А не на площади стоять.

Продут позёмкой
Зимний вечер.
Проулки, улицы — пусты.
И стынут каменные плечи
Под плащ-накидкой темноты.

Его в Орле
или в Иркутске
Ждать перестали земляки.
Ему бы сесть, переобуться
И, похоронке вопреки, —

В тот край,
Где пролетело детство,
Вернуться на исходе дня,
В избе родимой отогреться,
А не у Вечного огня.

Светлой памяти моей матери

Самолёт у трапа замер.
Взгляд скользнул по землякам —
Воспалёнными глазами
Я тебя средь них искал.

Подойду сейчас поближе
И, как в прошлую весну,
Ту слезу, что ветер выжал,
С твоего лица смахну.

Не один, а с младшим братом
В зал, где ты ждала, войду.
Там в полёт зовёт с плаката
Серебром обшивки «Ту».

Близость встречи или ветер
Подгоняют торопя...
Неужель на этом свете
Больше нет уже тебя?!

Вышло так, что мы с годами
Разлетелись кто куда.
А вернуться опоздали
Не на день, а навсегда.

Как бы падать ни спешило
Под колёса полотно,
Довезти к тебе машина
Не успела всё равно...

В темноте белеет ставень.
Брату что ль в конце пути
Это право предоставить —
В двери первому войти?

Но, ссутулившись угрюмо, —
Отрешённо одинок —
Он о том же самом думал,
На родной взойдя порог.

В нетерпенье — не в испуге —
Он потребовал: «Входи»,
Чтоб скорей увидеть руки
На твоей сухой груди.

Так частенько ты держала
В них, задумавшись, иглу.
А теперь в цветах лежала
Под иконкою в углу.

Настрадавшееся тело
Прикрывала простыня.
А в ногах твоих сидела
Наша близкая родня.

Причитала тётя Клава,
Как старухи в старину:
«Кто тебе, сестра, дал право
Оставлять меня одну?»

Ни тепла в избе, ни дыма...
Порвалась надежды нить...
Как теперь я буду мимо
Этих окон проходить?!»

Плач, ознобом пробивая,
Разгулялся по избе...
— Почему она, живая,
Так печётся о себе?

Но когда не голосила,
Обессилевши, она,
То совсем невыносимой
Становилась тишина.

Тишины такой пугался,
Молча сам себя ругал.
Горло сдавливал не галстук —
Подступивших слёз аркан.

Зябко вздрагивали плечи,
Хоть я к плачу не привык...
Может, вправду, мёртвым легче,
Чем оставшимся в живых?

Телеграммы срочной выстрел
Их не ранит, не убьёт...
Мать, прости мне эти мысли.
Здесь мы с Саней. Видишь? Вот!

Поделюсь я новостями,
Что привёз издалека.
Ну а Саня вновь растянёт
Для тебя огонь — меха!

Ты спляши цыганский танец,
Приглуши разлуки боль.

А захочешь, я останусь —
Буду рядышком с тобой.

Ведь тебя мне не заменят
Ни работа, ни жена...
Бьется раненым тайменем
В сетях ночи тишина.

Родословная

Сколько смешано судеб
И различных кровей!
Добираюсь до сути
Родословной своей.

Дед родился в Николу.
И один на один,
Был пока ещё молод,
На медведя ходил.

Шкуры в старом сарае
Много лет берегли.
От него, Николая,
Николаи пошли.

Но отец мой в атаке
Был сильней во сто крат.

Выходил он на танки
Со связкой гранат.

А без вести пропавших
Сколько в нашем роду?..
По следам землепашцев
И служилых иду.

Не сгибались под ветром,
Не боялись огня.
В честь их именем светлым
И назвали меня.

Ну, а если я струшу
В горьком беге минут,
Мёртвых прадедов души
Пусть меня проклянут.

Деревня

То гнев свой меняла на милость,
То вновь становилась строга.
Я вырос в деревне.
Я вырос в краю, где до неба стога.

Где звёзды мерцали в затоне,
Где рук не хватало в страду,
Где исстари, как на ладони,
Всегда человек на виду.

Настырный — наивный по сути! —
Да и на подъём не тяжёл,

Чтоб в городе выбиться в люди,
Я рано отсюда ушёл.

Дорогой, проверен на зрелость,
Я дело искал по плечу...
Мне многое в жизни хотелось,
Но честно признаться хочу,

Что, как бы мир ни был огромен,
Как наш ни оправдан побег,
В стенах деревенского дома
Душа остаётся навек!

Родной дом

Валентину Распутину

Снова в тесном доме соберёмся,
Три окошка — к реке под бугор...
А причина, возможно,
Лишь в том вся,
Что здесь мамка живёт до сих пор.

Мы смолистых дровишек наколем,
Засучив до локтей рукава.
На зелёном картофельном поле
Отцвела и пожухла ботва.

С чем сравнить материнскую старость?
С тяжкой участью тихих берёз,
На которых листвы не осталось, —
Всю по свету ветрище разнёс!..

Старший соль добывает в Усолье.
Младший брат обживает Москву.
Да и я в городок невысокий
Мать давно безнадежно зову.

Рвётся нитка в том месте, где тонко.
Ну а если она не тонка?!
Наша мать, коренная чалдонка,
Дом бросать свой не хочет пока.

Сердцем чует:
Пока он не продан,
Каждый связан надёжным узлом
И с землею,
Откуда мы родом,
И с закатом за синим селом...

В доме, где не нажили богатства,
Где пока ещё мама жива,
Заставляет нас всех собираться
Неизбывная сила родства.

* * *

Звёзды в клочьях тумана
Догорают дотла.
Остроугою трёхгранной
Выплывает скала.

Чьё-то робкое эхо
Растворилось в лесу.
Лодки — днищами кверху —
На зелёном мысу.

Облака, как таймени,
Розовеют вдали,
Но скала
Ловит тенью
Отраженье зари.

По воде, как от рыбы,
Разбежались круги.
Рыбаки!
Помогли бы
Снять зарю с остроги.

* * *

С отвоёванного детства,
Пережитого сполна,
Мне досталась в наследство
Только Родина одна,
С речкой, с лугом, с голосами
Птиц, поющих надо мной,
С городами и лесами,
Опалёнными войной.
Жизнь свою по воле сердца
Прожигая на бегу,

Неделимое наследство
От пожарищ берегу.
И одна забота только:
Всё наследие моё
Передать своим потомкам,
Уходя в небытие,
С речкой, с лугом, с голосами
Птиц, поющих в вышине.
С городами и лесами,
С добрым словом обо мне.

Колокольчики

Колокольчики,
Колокольчики —
Ни конца вам, ни края нет.
То ли морюшко,
То ли полюшко
Этот пляшущий синий цвет...

Я их ставил в стакан.
Подравнивал.
На пол стряхивал муравья.
Каждый —
Словно птенец подраненный,
Крылья медленно расправлял.

Озорная пора,
Озёрная!
Я и вспомнить теперь не смогу,
Сколько их,
Колокольчиков, сорвано
На ребячем моём веку.

Снова в детство
Вернуться хочется
И по синему полю брести...
Колокольчики,
Колокольчики,
Обеззвученные в горсти.

Сибирь

Я с берега слежу
За птичьей стаей...
И с каждым днём становится родней
Река с отливом плавающей стали,
Когда зажгутся бакены на ней.

Я уходил отсюда за рассветом,
Но знал: куда б меня ни занесло,
Я в эту землю врос,
Как корни кедра,
Невидимо, упрямо, тяжело.

Баллада о трёх китах

*Светлой памяти
моей бабушки Маликовой А.О.*

Опять рассвет прикрыл поля
Накидкою тумана...
— На трёх китах стоит Земля, —
Твердила бабка Анна.

Пока она не померла,
Я ей перечил: «В пропасть
Земля упасть бы с них могла,
Как с парты круглый глобус».

Сыра, горька полынь-трава,
Взошедшая над прахом.
Здесь вспомнил я её слова
И в первый раз заплакал.

Я — плакал. Вздрагивала бровь...
Вдруг ко всему живому
В душе затеплилась любовь
Глубокая, как омут.

Пробились хрупкие ростки!
А их оберегая,
В пути сбивая каблочки,
Пришла любовь другая.

Но приходилось за неё
Мне вместе с ней бороться,
Чтоб беззаботное житьё
Не занесло в болотце.

Был найден выход непростой:
Был паводок весенний,
В четыре стороны простор
И долгий путь на север.

Когда лицо моё вдали
От ветра багровело,
То не рубли на край земли
Меня вели, а вера.

Ведь иногда она живёт
В порыве бесшабашном...
С ней гордо шли на эшафот!
С ней гибли в рукопашной!

Ты насмерть встань и сохрани
Мир от чумы, пехота!..
Лишь жены-матери в те дни
Надеялись на что-то.

Послевоенная нужда
Злым коршуном витала —
В беде надежда никогда
Страну не покидала.

В лучах рассветных и цветах,
Сползающих на берег,
Земля стоит на трёх китах —
Любви, Надежде, Вере!

* * *

Потому ль, что был нетерпеливый,
Я мальчишкою лет десяти
Босиком выскакивал под ливень.
Побыстрее хотелось подрасти!

И не мог не видеть, подрастая,
Как, вспорхнув из теплого гнезда,
Осенью не только птичья стая
Покидала отчие места.

С вещмешком пустым, в стежонке ватной,
Но при шляпе модной, как пижон,

По повестке из военкомата
Сам я тоже из дому ушёл.

Мать ли мне сказала на пароме,
Иль шепнула синяя река:
— В добрый путь! Но где бы ни был — помни,
Из какого вышел уголка!

Что бы — за речным тем поворотом —
В моей жизни ни случилось впредь,
Ангара, твоим пречистым водам
Не придётся за меня краснеть!

Стихи о Байкале

Пик Черского
В синь поднебесья взметнувший,
Под солнцем Байкал багровел
Вдалеке.

А тени от кедров —
Как будто веснушки
На выбритой ветром
Байкальской щеке.

Здесь плавно кружился,
Как в медленном вальсе,
Орёл, опустивший крыло на лету.
Сюда я не раз и не два поднимался,
Чтоб как-то острее ощутить высоту.

И эхом к вершине вернётся едва ли
Мой крик,
Посредине застыв на весу...
На берег дорога вела по спирали,
Легко обрывавшейся
В самом низу.

Нам стоит порой
У природы учиться.
Но надо её понимать, и тогда
Душа твоя будет
Кристалльной и чистой,
Такой же,
Как утром в Байкале вода.

Не сразу поймёшь,
Смотришь вверх ли ты, вниз ли.
Просвечивающаяся вся до дна,
Войдёт неожиданно
В светлые мысли
Присущая только ему
Глубина.

И светом наполнится мир — не обидой.
Земля станет твёрже,
А небо — светлей.
И только (мне кажется)
Холод волны той
Заставит когда-то
Меня потеплеть.

Созвездьями тьма разрублена	И Ангара под звёздами
На мелкие на куски.	Багровой кажется мне.
Таинственно,	И слышно,
Как у Врубеля,	Как кто-то вёслами
Ложится луна в пески.	Стреляет по тишине.

Маньчжурия

И сквозь века
Я слышу гик погони
И вижу пепелища городов...
Пасутся неосёдланные кони
В низинах сопок,
Словно у шатров.

А степь вокруг,
Как выжженная крепость,
Пылится под набегами ветров...
Солёные озёра в местный эпос
Входили очертанием подков.

На поле брани вдовы голосили.
Тот стон был слышен рядом и вдали.
И не было беды невыносимей
С момента сотворения земли.

Красивых русоколых полонянок
Монголы гнали с гиканьем в Орду.
Неся беду другим в тугих колчанах,
На свой же род накликали беду.

И чёрная Орда, не золотая,
Ещё представить даже не могла,
Что, как бы высоко ни залетала,
Всегда на землю падает стрела.

И, описав дугу, стрела находит,
Выходит так,
Не только лишь врага...
Коню — нести кочевника в походе,
А жёнам — тосковать у очага.

Слезилась очи молодых монголов.
Что — юрты без детей? Они пусты!
И с той поры на склонах сопок голых
От слёз их вдовьих зацвели цветы.

Причал

Показался за мысом
Дощатый причал.
— Здравствуй! — крикнуть хотелось,
Но я промолчал.

Переплавишь ли чувства
В скудные слова?
И к лицу ли, как в детстве,
Кричать в тридцать два?

Рябь студёной волны.
И по коже — мороз!
В горле вдруг запершит
От непрошенных слёз.

Ветер, славя простор,
Над рекою крепчал...

От тебя расходились дороги,
Причал!

И скрипел твой настил,
Как солдатский ремень.
Ты всегда по-мужски
Чувства прятать умел.

Провожая людей,
Крепче в берег вращал.
Так не каждый из нас
Верен отчим местам.

Ты распутывал здесь
Узел встреч и разлук...
Вот и дым над избой,
Как спасательный круг.